

ценность благ в разном социальном контексте (*переменная рациональность*). Кроме того, индивиды используют определенные «смысловые схемы» для «выработки понимания ситуации», которые позволяют «упорядочить и интерпретировать полученную информацию» (*интерпретативная рациональность*).

Хозяйствующие субъекты функционируют в определенной сети экономических и социальных связей, скрепленной каналами поступления информации, общими правилами ее интерпретации и образцами поведения. Участники данной сети, имея общие ценностные ориентации, формируемые через религию, традиции, исторические обычаи, а также практикой совместного решения проблем выживания и приспособления к новым экономическим условиям, одинаково воспринимают поступающую к ним информацию и точнее интерпретируют действия других участников сети. В результате именно структура социального капитала выступает важнейшим фактором, задающим направленность институционального развития.

Особенности экономического подхода к

социальному капиталу заключаются в том, что он рассматривается как особый ресурс, который определяет степень отдачи от всей совокупности экономических ресурсов. Его можно рассматривать как капитальное благо со значительными внешними эффектами (как положительными, так и отрицательными). В нашем исследовании социального капитала предпринимателей в их взаимодействии с властью: *во-первых*, оценивается социальный капитал, существующий во взаимодействии власти и бизнеса на региональном уровне на основе выделения основных признаков сложившихся в этой сфере социальных сетей; *во-вторых*, структуры сетевого взаимодействия власти и бизнеса рассматриваются как результат предшествующего исторического развития; *в-третьих*, для оценки социального капитала используется методика, основанная на выделении его структурных составляющих и построении на их основе многоуровневой иерархической модели.

Статья поступила в редакцию 15.06.2012

В.В. ВОЛЬЧИК, д.э.н., профессор,
Южный федеральный университет (Россия, Ростов-на-Дону)

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ

1

Институты имеют значение для экономического развития. Благодаря институтам социальные взаимодействия становятся регулярными, что позволяет осуществлять различного рода обмена с меньшими издержками. Однако институты не всегда эволюционируют от менее эффективных к более эффективным [22].

Сравнительно неэффективные институты могут существовать очень долго вследствие институциональной инерции и зависимости от предшествующей траектории развития. Субоптимальность и неэффективность институтов связана с повышением уровня трансакционных издержек, ограничением обменов, но самое главное, такие институты создают искаженные стимулы [21].

Институты важны для функционирования как рынков, так и для организаций. В современной неоинституциональной экономической теории институты и организации чаще всего различаются, они рассматриваются, соответственно, как правила игры и игроки [10].

Напротив, в рамках традиционной (старой) институциональной экономической теории жесткого различия между институтами и организациями не проводится. Видный представитель традиционного институционализма Дж. Ходжсон отмечает: «Если определять институты как социально укорененные системы правил, то очевидно, что организации представляют собой особый тип института, обладающий некими дополнительными свойствами» [19, с. 37]. Различия между двумя подходами не столь радикальны. Функционирование организации неизбежно связано не только с внешними для нее институтами, но и внутренними правилами, технологиями или рутинами. Поведение акторов внутри организации также связано с правилами, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия внутри организации, а также способствуют устойчивости (или неустойчивости) организационных форм.

© В.В. Вольчик, 2012

Институты имеют информационную природу, которая реализуется в создании и использовании явного и неявного знания [3]. Неэффективные институты, существующие внутри организационных форм, определяют возможности и ограничения для менеджмента. При наличии устойчивых субоптимальных и неэффективных институтов организация сталкивается с проблемой дисменеджмента¹.

Рекомендации международных организаций, таких как Международный Валютный фонд и Всемирный банк, относительно институциональных реформ сводились к тому, что в ходе реформ необходимо импортировать более успешные институты, развивающие управление. За эталон таких институтов обычно принимаются институты, которые существуют в англо-американской традиции, основанной на максимизации рыночной свободы и защит прав частной собственности [23]. Однако импорт институтов связан с опасностью их дисфункции [15] вследствие несоответствия заимствуемых норм существующей институциональной структуре, а также специфическому социальному капиталу [4, с. 35-41].

Многие внедряемые или модернизируемые институты представляют собой симулякры институтов, которые функционируют в развитых рыночных экономиках. Симулякры также создаются в организациях, которые вынуждены заимствовать процессы и формы, используемые в эффективных зарубежных организациях. Поэтому многие совпадающие по названиям институты и организации, например такие как, университеты, единый экзамен, защита диссертаций [7], экспертный контроль в российских реалиях могут в процессе своего функционирования выполнять функции и сталкиваться с проблемами, не свойственными их иностранному аналогу.

Однако функционирование институтов постоянно связано с интерпретацией норм акторами, которые включены в действие того или иного института. Интерпретация нормы, содержащейся в институте, впоследствии ведет к изменению нормы и самого института. В рамках конструктивистской институциональной экономики исследование институтов не может вестись без учета того, как акторы воспринимают и интерпретируют правила и нормы. В рамках данной работы на основе прове-

денных тридцати интервью с представителями бюджетных учреждений образования и здравоохранения предпринята попытка выделить основные закономерности трансформации институтов в ходе широко рекламируемой модернизации. Интервьюируемым сотрудникам бюджетных учреждений задавался один и тот же основной вопрос: «Возросло ли за последние пять лет количество проверок, отчетов или иной «бумажной работы» в вашей организации?»

В следующем разделе статьи приведены и систематизированы основные ответы респондентов, а также обобщено их видение причин и последствий существующего положения дел в рамках существующих институтов и организаций в бюджетной сфере. Выбор бюджетных учреждений образования обусловлен их значимой социальной функцией, а также многочисленностью.

2

Большинство респондентов отмечают, что преподаватели находятся в состоянии постоянного стресса. Проверки и отчеты становятся непрерывными и все более объемными. Значительную и все увеличивающуюся часть своего времени приходится тратить не на собственно образовательный процесс, а на различные отчеты, заполнение бесчисленных форм, планов и т.д.

Причины возрастающего количества отчетов, согласно проведенным интервью, образуют две группы:

- 1) институциональные;
- 2) технологические.

Институциональные детерминанты избыточной отчетности и контроля со стороны управляющих, в свою очередь, в свою очередь связаны с:

- проблемой доверия;
- проблемой автономности руководства, которому надо оправдать свои руководящие позиции;
- укреплением управленческой вертикали, что выражается в увеличении контроля наряду с ослаблением обратных связей между управляющими и управляемыми.

Проблема доверия является центральной среди причин дисфункций управления, которые порождают вал ненужных, дублирующих отчетов, создающих иллюзию управляемости.

Отсутствие доверия со стороны управляющих органов к управляемым требует постоянного совершенствования систем контроля. Там, где не существует рыночных индикаторов

¹ Термин «дисменеджмент» предложен Г.Б. Клейнером для характеристики дисфункций управления в организациях.

торов деятельности, контролирующие органы вынуждены внедрять показатели, характеризующие результативность деятельности организаций.

Важной причиной усиления контроля, и, следовательно, отчетности является реализация государственных программ, направленных на модернизацию сферы образования. Респонденты отмечают, что в результате реализации государственных программ появились деньги, соответственно, увеличился контроль за их расходованием.

В образовании на преподавательских должностях заняты лица, обладающие высоким уровнем человеческого капитала. Респонденты отмечали, что со стороны почти всех уровней управления (а чем выше уровень, тем в большей степени) они сталкиваются с открытым недоверием как к форме, содержанию, так и результативности образовательного процесса.

Причем многие отмечают, что понижать качество преподавания им не позволяют их собственные моральные и профессиональные установки. Атмосфера возрастающего недоверия приводит к формированию негативных стимулов, что отрицательно влияет на творческий потенциал работников и трудовой климат в педагогических коллективах.

Низкий уровень доверия оказывает на педагогов влияние, аналогичное самовыполняющемуся пророчеству. Образовательная деятельность в атмосфере недоверия и игнорирования мнения преподавателей связана с отрицательным отбором. Лица с оппортунистическими интенциями получают сравнительные преимущества и постепенно вытесняют добросовестных педагогов.

Другой важной причиной разрастания отчетности, по мнению респондентов, являлось стремление руководства продемонстрировать свою необходимость в структуре организации. Обилие контролирующих процедур и, соответственно, отчетов респонденты связывают с проблемой автономности руководства, которому надо оправдать свои руководящие позиции.

Изменение правил по количеству и содержанию отчетов неизбежно связано с изменением административных регламентов, включенных в предыдущую систему отчетности. Таким образом, работники аппарата управления, чтобы избежать сокращения, будут вынуждены выдвигать инициативы по увеличению сфер деятельности подлежащих отчетам, или

саботировать реформу, направленную на сокращение отчетности.

Попытки проверить качество работы, создать показатели, объективизирующие результаты работы, заменяют попытки создания положительных стимулов выполнять на должном уровне свои служебные обязанности.

Ещё одной важной причиной может служить укрепление управленческой вертикали, что выражается в увеличении контроля наряду с ослаблением обратных связей между управляющими и управляемыми. Вал ненужных, дублирующих отчетов создает иллюзию управляемости. Преподаватели в ходе интервью отмечают, что административные структуры все больше дистанцируются от непосредственных исполнителей их директив. Обратная связь между управляющими и управляемыми отсутствует. Доминирует точка зрения, что если работник не хочет выполнять существующие директивы, то он может написать заявление и уволиться. Среди руководителей всех звеньев очень распространен, по мнению респондентов, старый штамп – «незаменимых в нашем учреждении нет». Любая критика или предложения по совершенствованию системы управления рассматриваются руководителями всех уровней крайне негативно, что, в свою очередь, вызывает чувство апатии у преподавательского состава.

К другой группе причин, детерминирующих возрастание отчетов, относятся процессы изменения технологий создания и обработки информации.

Респонденты отмечали, что важным фактором увеличения отчетов и иной бумажной работы является изменение технологии работы с текстами. Например, замена пишущих машинок компьютерами позволила значительно увеличить возможности по созданию информации. Возникновение баз данных и сетевых технологий позволило осуществлять обработку значительных объемов информации.

Несмотря на возросшие возможности по обработке информации, отмечается дублирование предоставления одних и тех же данных в разных отчетах, направляемых в один контролирующий или управляющий орган. Возникает ситуация бесконечного дублирования одной и той же информации, представляемой просто в различных стандартах и формах отчетности. Таким образом, увеличение производительности в создании и организации документооборота пока не подкрепляется созданием эффективно используемых баз данных, формируе-

мых из материалов отчетов.

К большим потерям времени приводит и само изменение форм предоставления различных методических, учебных и иных материалов. Большинство респондентов отмечали, что сталкиваются с постоянно меняющимися формами отчетности, а также увеличивающейся частотой предоставления отчетов. Причем изменение форм отчетности часто никак не связано с существенными аспектами, изменения производятся ради изменений. Создается впечатление, что создание новых форм для отчетов становится самоцелью вышестоящих административных структур, которые пытаются связать изменения с необходимостью модернизации предоставления образовательных услуг.

Парадоксально, но внедрение информационных технологий не уменьшило количество «бумажной работы», а увеличило ее. У преподавателей становится все меньше времени на непосредственно работу с учащимися. Вместо расширения кругозора, внедрения новых образовательных технологий преподаватели пишут бесконечные огромные отчеты.

Иногда кажется, что несогласованность между различными контролерами, требующими отчеты, можно устранить с помощью хорошо разработанных программных продуктов. Но видимо природа такой несогласованности не столько технологическая, как институциональная, коренящаяся в самой природе бюрократических организаций, которые действуют в специфических российских условиях.

3

Путь к экономической эффективности часто пытаются начать под знаменами модернизации, чтобы соответствовать «мировому уровню» институтов, развития и т.д. Но любая модернизация сопряжена с преодолением существующей институциональной организации общества. Институты формируются в среде, которую можно приближенно охарактеризовать как накопленный социальный капитал. Именно социальный капитал определяет форму и содержание повторяющихся взаимодействий между людьми, которые благодаря институтам структурируются и поддерживаются. Однако сам социальный капитал (впрочем, как и институты) зависит от исторического багажа или траектории предшествующего пути развития (path dependence). Отсутствие доверия может быть обусловлено негативным историческим опытом. Такой опыт формирует у акто-

ров устойчивые поведенческие паттерны, не позволяющие получать значимый позитивный эффект от импортируемых или модернизируемых институтов.

Родоначальник нового институционализма Р. Коуз отмечал, что индивиды нуждаются в институтах, которые они способны понять, с которыми у них есть опыт работы [8, с. 21]. Поэтому невозможно успешное осуществление институциональных реформ и функционирование эффективных и качественных институтов без понимания большинством экономических акторов их сущности и механизмов функционирования. Понимание во многом зависит от традиции обучения и особенностей социализации индивидов и, следовательно, социального капитала.

Социальный капитал составляет важнейшую характеристику гражданского общества, без которого немыслима эффективная и устойчивая рыночная экономика. Исследование влияния социального капитала на экономическое развитие связано с выявлением качественных характеристик социально-экономического порядка в отличие от механистических количественных подходов, которые доминируют в неоклассике. Подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен. Он способствует достижению определенных целей, добиться которых в его отсутствие невозможно. Например, группа, внутри которой существует полная надежность и абсолютное доверие, способна совершить много больше по сравнению с группой, не обладающей данными качествами [9, с. 126]. Рассмотрение категории социального капитала в институциональном контексте предполагает, что учитывается не столько существующий запас социального капитала, сколько динамика качественных институциональных ограничений.

Необходимо отметить, что, несмотря на кажущуюся схожесть человеческого и социального капиталов (оба они принадлежат к сфере качественных показателей, границы которых размыты социальной сферой), это различные категории. В отличие от иных форм капитала, социальный капитал свойственен структуре связей между экономическими агентами и среди них. Он не является атрибутом отдельного человека [16, с. 5].

Социальный капитал – это источник экономического роста, возникающий за счет формирования специфической локальной институциональной среды [6, с. 85]. На макро-

уровне формирование и накопление социального капитала сопряжено с возникновением, изменением и функционированием институтов, регулирующих хозяйственные связи между субъектами. Поэтому проблема социального капитала не может рассматриваться отдельно от проблемы формирования и функционирования институтов и институциональной структуры экономики. Необходимо учитывать, что функционирование институтов определяется сферой их деятельности, культурными традициями и многими другими факторами, в числе которых эффективность является далеко не определяющим параметром. Перемены чаще происходят с ними потому, что меняются те ценности, которые обуславливают их существование, или они сами становятся несовместимыми с другими ценностями и институтами, но не обязательно по соображениям эффективности [14, с. 668].

Социальный капитал как дополнительный компонент социальной связи формирует ее качество, организует взаимодействие в соответствии со своими принципами и способствует достижению агентами экономического результата. Однако выполнить свое предназначение в полной мере он может лишь при наличии институциональной среды, адекватной поставленным задачам.

Часто социальный капитал отождествляется с социальной солидарностью и тем, что сопутствует ожиданиям «правильного поведения» [18]. Сама неоднозначность данного определения отражает многогранность жизни ассоциаций, разнообразные составляющие социальной солидарности. Именно формирование доверия, достоверности выполнения обязательств имеет прямое отношение к опережающему экономическому развитию стран Запада [12]. В России наблюдается довольно парадоксальный факт: при наличии коллективистских настроений², согласно социологическим исследованиям², не существуют традиции солидарного поведения и построения общественных отношений на основе взаимности.

Индивидуализм как характеристика саморегулируемого рыночного обмена сопряжен с идеей доверия, однако становление доверия не является процессом линейным или одинаковым во всех обществах и при всех рыночных системах. Необходимо отметить, что понятие индивида и индивидуальной деятельности не

является единственным возможным базисом социального устройства, даже если речь идет о современных социальных устройствах. Например, в Японии и других южно-азиатских странах, в которых основанному на генерализованных родственных связях духовной близости социальному капиталу также соответствовал высокий уровень современного экономического развития [18, с. 83–84].

Социальный капитал можно рассматривать как экономический метаинститут³, который детерминирует специфические ограничения и предпочтения формального и неформального характера, обеспечивающие взаимодействие хозяйственных агентов за счет включения в анализ методологических принципов доверия, обязательств и санкций. Использование концепции социального капитала позволяет рассматривать взаимодействие экономических агентов сквозь призму взаимности и возмездности в условиях рыночных отношений.

Накопление и тиражирование в обществе социального капитала осуществляется через процесс его институционализации. Институционализация социального капитала в хозяйственных порядках предполагает создание и эволюцию рутин технологий, определяющих тип экономических отношений и формирующих фундаментальные институциональные предпосылки для становления того или иного типа экономического порядка. Как уже отмечалось, индивид одновременно может являться членом групп, которые включены в действие многих институтов.

Институционализация социального капитала приводит к формированию такой институциональной структуры, которая, кроме снижения (повышения) транзакционных и организационных издержек, создает стимулы у акторов для участия в хозяйственных процессах. Однако необходимо отметить, что российская институциональная среда формировалась в коллективистском обществе, отличительны-

² См.: [1, 24, 13].

³ Метаинститут не надо путать с институтами как правилами и механизмами, обеспечивающими их выполнение. Метаинститут, если говорить образно, представляет собой тот материал, на базе которого формируются правила, впоследствии становящиеся институтами. Было бы логично предположить, что, например, из социального капитала, основанного на доверии и солидарности, формируются институты более эффективные, чем институты, основанные на принципах коллективизма, принуждения и патернализма.

ми признаками которого являются соборность и господство общественных интересов над индивидуальными. С большой долей условности можно сказать, что российский социальный капитал основывается на коллективизме не свободных людей, в отличие стран с развитым гражданским обществом, где социальный капитал основывается на солидарности свободных людей.

Многие социологи и историки отмечают, что особенности институциональной организации общества в России базировались на коллективистском менталитете и мышлении, где индивидуальный интерес и, следовательно, индивидуальные свободы личности не имели безусловной ценности. Так, например, И.Б. Чубайс, отмечает, что на протяжении многих столетий Россия выстраивалась на трех китах, на трех фундаментальных началах: православии, собирании земель, переросшем в имперскую политику, и на общинном коллективизме. Это и есть главные составляющие русской идеи. Отмеченные особенности являются глубинными характеристиками «русскости», задающими три ее императива – духовность (в традиционной форме православия), государственную стратегию (собирание земель и охранение собранного) и социально-экономическую ментальность (ориентацию на общинный коллективизм) [20, с. 31].

Здесь необходимо провести различия между понятиями коллективизма и солидарности. Под коллективизмом понимается сознательное подчинение личных интересов общественным, а солидарность связывается с общностью интересов и активным содействием чьим-либо действиям. Также необходимо отметить, что российский коллективизм сформировался в ходе длительной эволюции экономического и внеэкономического принуждения. Российский коллективизм является отрицанием свойственной Западу нравственной легитимации частной пользы и выгоды, которой на Руси не было до Петра, но и при нем не появилось тоже [2]. В отечественной традиции частным интересам отводилась производная, вспомогательная, обслуживающая роль – личные интересы должны быть подчинены общественным [4, с. 134-142].

В ситуации, когда социальный капитал основывается на принудительном коллективизме, доверие между управляющими и управляемыми традиционно находится на низком уровне. Отсутствие доверия на всех ступенях предоставления социальных услуг ставит на

первый план задачу совершенствования механизмов контроля. Негативные последствия от отсутствия доверия нельзя устранить путем усиления контроля. Доверие может формироваться путем трансформации социального капитала, но этот процесс является эволюционным и очень долгим.

Примером нового механизма контроля в высшем образовании является введение единого государственного экзамена для выпускников бакалавриата вузов (ЕГЭ 2) [5, 17]. ЕГЭ 2 представляет собой попытку найти решение проблемы, когда знания выпускников оцениваются преподавателями, которые учили их на протяжении четырех лет. Предполагается, что оценивать знания выпускников бакалавриата по ЕГЭ 2 будут независимые эксперты и представители работодателей. Разработчики концепции ЕГЭ 2 отталкиваются от практики сдачи в США и некоторых других странах GRE (Graduate Record Examinations) теста, необходимого для приема в магистратуру. Внедрение ЕГЭ 2 может способствовать:

- объективизации минимальных качественных показателей образования;
- стандартизации требований, что позволит выработать и внедрить стандартные программы и учебники, соответствующие передовым требованиям;
- повышению уровня плохих и средних вузов до «приемлемых стандартов».

Однако внедрение ЕГЭ 2 может быть связано и с отрицательными последствиями, такими как:

- шаблонизация высшего образования;
- снижение значимости творческого компонента в высшем образовании;
- возникновение мотива натаскивания студентов на нужный результат;
- сведение роли вузовского преподавателя к роли учителя, а не исследователя;
- мультипликативный эффект от ошибок при составлении программ испытаний.

Введение ЕГЭ 2 иллюстрирует случай, когда отсутствие доверия, в данном случае к качеству итоговой аттестации выпускников в вузах, пытаются заменить новым механизмом контроля. Однако в случае вузов все негативные последствия ЕГЭ 2 представляются более значимыми, чем позитивные.

Недостаток доверия является причиной формирования механизмов, основанных на искусственно созданных индикаторах, которые позволяют оценить соответствие результатов и обязательств или заданий. Система контроля,

основанная на контрольных цифрах, рейтингах и иных бюрократических индикаторах, демонстрирует низкую эффективность в плане управленческой координации и развития, ориентированного на результат. Дальнейшее совершенствование такой системы грозит попаданием в ловушку бесконечного контроля за контролерами. Учитывая сложившуюся институциональную структуру, где сильна теневая составляющая, усиление контроля будет сопровождаться увеличением коррупции.

Контроль является важной составной частью процесса управления, но контроль не должен существенно повышать издержки, связанные с управлением. Поэтому необходимо выявить действующие правила, формирующие пространство возможностей как для управляющих, так и для управляемых.

Норт отмечал, что институциональные изменения должны находить объяснение в терминах интенциональности [11, с. 67]. К этому тезису также можно добавить, что наши интенции зависят от стимулов, которые формируются существующей экономической политикой и институтами. Но даже самые наилучшие намерения разбиваются о суровую действительность, заключающуюся в отсутствии инструментов для реализации интенций реформаторов. Министерство образования и науки на протяжении последних пяти лет продвигает идею о сокращении числа государственных вузов и филиалов. Здесь необходимо учитывать, что большое количество вузов – это результат экстенсивного развития системы образования последние двадцать лет. Преподаватели в экстенсивно развивающейся системе высшего образования часто работают по совместительству в нескольких вузах, чтобы обеспечить себе достойный уровень доходов. У преподавателей, получавших и получающих низкую заработную плату по основному месту работы, часто просто нет другого выхода, как работать в различных коммерческих вузах и филиалах по совместительству. Таким образом, уменьшение количества вузов должно сопровождаться радикальным увеличением оплаты труда преподавателям, чтобы последние имели возможность изменить свое поведение и перейти с экстенсивных принципов развития на интенсивные.

Нобелевский лауреат Д. Норт отмечал: «Утрата доверия к институтам делает их кончину самоисполняющимся пророчеством» [11, с. 221]. Утрата доверия к институтам сопряжена также с доверием к любым институцио-

нальным инновациям. Поэтому, по мнению Норта: «Общества, предыдущий опыт которых научил их смотреть на инновационные изменения с недоверием и антипатией, разительно отличаются от тех, чье наследие обеспечило благоприятную среду для таких изменений» [11, с. 39].

Отсутствие доверия к институциональным инновациям нельзя заменить или компенсировать усилением контроля и введением новых его разновидностей. Для того, чтобы модернизируемые институты принимались, а не отторгались обществом, необходимо, чтобы основные акторы, включенные в действие институтов, понимали необходимость и направленность изменений; однако ещё важнее – необходимость создания социальных механизмов, способствующих росту уровня доверия между управляемыми и управляющими в контексте повышения качества социального капитала.

Литература.

1. Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. Кн. 1-3. М., 1991.
2. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005.
3. Вольчик В.В. Институты, экономическая координация и неявное знание // TERRA ECONOMICUS. 2011. Т. 9. № 2.
4. Вольчик В.В., Бережной И.В. Роль социального капитала и групп интересов при формировании института власти-собственности в рамках российского хозяйственного порядка // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 2.
5. Гомзикова С. Фурсенко: раз – ЕГЭ, два – ЕГЭ // Свободная Пресса // www.svprensa.ru/society/article/52835.
6. Дискин И. Е. Экономическая трансформация и социальный капитал // Проблемы прогнозирования. 1997. № 1.
7. Жук А.А. «Диссертационная ловушка» на пути построения инновационной экономики // Вопросы экономики. 2011. № 9.
8. Интервью с Р. Коузом // Квартальный бюллетень Клуба экономистов. 1999. Вып. 1. № 4.
9. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

11. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010.
12. Норт Д. Пять тезисов об институциональных изменениях // Квартальный бюллетень клуба экономистов. 2000. Вып. 4.
13. Олейник А.Н. Есть ли перспектива у социальных движений в России: анализ развития шахтерского движения, 1989–1995 // Политические исследования. 1996. № 10.
14. Оффе К. Политэкономия: социологические аспекты // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингема. М., 1999.
15. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.
16. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2001. № 2.
17. Резникова А., Петлевой В. Чиновники хотят ввести ЕГЭ для выпускников вузов // РБК daily. 21.09.2011 // www.rbcdaily.ru/2011/09/21/focus/562949981532821.
18. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-пресс, 2002.
19. Ходжсон Дж. Что такое институты // Вопросы экономики. 2007. № 8.
20. Чубайс И.Б. Россия и Европа: идейно-идентификационный анализ. (Заметки консерватора) // Вопросы философии. 2002. № 10.
21. Acemoglu D., Robinson J.A. Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. New York: Crown Publishers, 2012.
22. David P.A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. V. 75. № 2.
23. Ha-Joon Chang. Institutions and economic development: theory, policy and history // Journal of Institutional Economics. 2011. Vol. 7. № 4.
24. Shlapentokh V. Public and private life of Soviet people. Changing values in Post-Stalin Russia. New York, 1989.

Статья поступила в редакцию 20.06.2012

С.Н. ЛЕВИН, д.э.н.,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия

ПОЛИТИКО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ РЫНОК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Для современного модернизированного общества характерно превращение различных сфер жизни общества (экономической, социальной, политической и др.) в относительно самостоятельные подсистемы, но при этом связанные отношениями взаимозависимости (развернутый анализ этой проблемы в рамках экономической науки был дан в рамках германского ордолиберализма)¹. Подсистема «экономика» выступает как система экономических рынков, управляемых ценами и неподвластных прямому государственному влиянию. В то же время существуют проблемы произ-

водства общественных благ (в широком смысле слова), которые требуют использования государственного принуждения и решаются через механизм политических торгов (рынок власти). Поэтому постсоветская трансформация экономики и общества в России предполагала вычленение «экономики» и «политики», экономических и политических рынков в относительно автономные, но связанные отношениями взаимозависимости подсистемы.

В этой связи необходимо охарактеризовать понятие «политического рынка», выделив его «широкую» и «узкую» трактовки. В «широком смысле» политический рынок – это «рынок власти», система торгов политическим (властным) ресурсом. В «узком смысле» это классический политический рынок, возникающий в институциональных рамках, закрепляющих демократическую организацию политической подсистемы общества. Он является

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ №12-06-00290 «Специфика политического ресурса российских предпринимателей и её влияние на инновационное развитие»

¹ См., например: Ойкен В. Основы национальной экономики / Пер. с нем. Общ. ред. В.С. Автономова, В.П. Гутника, К. Херрманн-Пилатта. – М.: Экономика, 1996. – С.201-216.

© С.Н. Левин, 2012